(cc) BY

Шадрунова Елена Станиславовна
журналист, копирайтер
аспирант
ГБОУ ВО «Ставропольский государственный
педагогический институт»
г. Ставрополь, Ставропольский край

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЛАНДШАФТ М.Ю. ЛЕРМОНТОВА В РОМАНЕ «ГЕРОЙ НАШЕГО ВРЕМЕНИ» В АСПЕКТЕ СТРАТИФИКАЦИИ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ПРОСТРАНСТВА

***Аннотация**: цель исследования – установить особенности литературного ландшафта в романе М.Ю. Лермонтова «Герой нашего времени». В романе ландшафт показан с точки зрения офицера-рассказчика и штабс-капитана Максима Максимовича. Концепция восприятия ландшафта и его вербальной трансляции выступает способом раскрытия особенностей мировоззрения и характера героев. Научная новизна исследования состоит в интерпретации художественного ландшафта концептуально: как способа выражения жизненного опыта и мировоззрения героя, ключа для понимания мотивации его поступков. В результате установлено, что литературный ландшафт, с одной стороны, точно воссоздает географические реалии Кавказа и Кавказских Минеральных вод, а с другой, через субъективную интерпретацию выступает инструментом выражения внутреннего состояния героя, а в более общем плане – его мировоззрения.*

***Ключевые слова**: литературный ландшафт, географическое пространство, художественное пространство в произведении, образ места, локус.*

Введение

Категория литературного ландшафта, активно разрабатываемая в современной науке о литературе, выступает обобщающей по отношению к традиционному элементу художественной образности – пейзажу. Художественные

Content is licensed under the Creative Commons Attribution 4.0 license (CC-BY 4.0)

функции пейзажной зарисовки в произведении состоят в выражении через детали пейзажа настроения или внутреннего состояния героя, как правило, через приемы психологического параллелизма.

С другой стороны, пейзаж в реалистическом произведении соотносится с категорией типических обстоятельств и обладает конкретными физическими и географическими характеристиками. Вместе с тем, характеризующие состояние героя пейзажные образы значимы в конкретный момент развития действия или повествования.

В данной работе утверждается, что в романе «Герой нашего времени» [12] литературный ландшафт выступает способом идентификации конкретного места действия – Кавказа и Кавказских Минеральных вод. Однако, восприятие одних и тех же пространственных локусов показано с точки зрения разных героев романа.

Актуальность данного исследования определяется тем, что литературный ландшафт всё чаще выступает в качестве предмета исследования, начиная с XX века. Изучение данной категории позволяет провести связь между двумя науками – литературоведением и географией. В.Н. Калуцков отмечает, что известные литературные произведения оказывают влияние на концептуализацию географического пространства и наделяют территории более высоким культурным статусом, формируют ее геоконцепт [9, с. 118–125]. В исследованиях И Фу Туана [22], Ю.А. Веденина [1; 2], А.В. Любичанковского [14] обосновывается правомерность и результативность межпредметной интеграции естественно-научных и гуманитарных исследований. География обращается к литературе «как хранилищу неучтенного пространственного опыта взаимоотношения человека и окружающего мира» [22, p. 316–324]. При изучении литературного ландшафта наблюдается синтез наук, что актуализирует данный предмет исследования.

Науке известны работы, которые показывают, как география, страноведение и культура, их методология обогащают собственно литературоведческие

Содержимое доступно по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 license (CC-BY 4.0)

исследования, чем способствуют пониманию смысла произведения. К таким работам относятся «Литературная география: географические образы в русской художественной литературе: Книга для учителя» [15] В.П. Максаковского, «Национальные образы мира. Вопросы литературы» [3] Г.Д. Гачева, «Страноведение: теория и методы» [16] Н.С. Мироненко.

Литературный ландшафт составляет интерес учёных разных отраслей, является многоаспектной категорией. Данное исследование актуально тем, что литературный ландшафт рассматривается здесь в узком аспекте – применительно к роману «Герой нашего времени».

Для реализации поставленной цели необходимо решить ряд взаимосвязанных *задач*:

1) определить, какими регионами представлена детализация локуса Кавказа в романе «Герой нашего времени»;

2) проанализировать специфику описания ландшафта в произведении, опираясь на интерпретацию картин природы тремя героями-рассказчиками: Максимом Максимычем, Печориным и странствующим офицером;

3) на основе проанализированного материала выделить типологические черты кавказского ландшафта в романе М. Ю. Лермонтова «Герой нашего времени».

Методология исследования состоит из таких методов, как историко-генетический, который призван проследить развитие феномена ландшафта, сравнительный, который позволяет рассмотреть способы создания целостного ландшафта в произведении, а также метод анализа, с помощью которого происходит вычленение значимых характеристик ландшафта, необходимых при изучении предмета исследования.

Теоретическую базу исследования составляют литературоведческие работы, предметом которых является литературный ландшафт. Так, в частности, Д.Н. Замятин [7; 8] показывает, что литература, создавая художественное описание места, использует качественные географические характеристики и фор-

Content is licensed under the Creative Commons Attribution 4.0 license (CC-BY 4.0)

мирует геокультурный образ пространства – систему взаимосвязанных и взаимодействующих знаков, характеризующих территорию [8, с. 512].

Ю.А. Веденин [1, с. 15–21] рассматривает литературный ландшафт как природно-культурный территориальный комплекс, сформировавшийся в результате эволюционного взаимодействия природы и человека, его социокультурной и хозяйственной деятельности и состоящий из характерных сочетаний природы и культурных компонентов, находящихся в устойчивой взаимосвязи и взаимообусловленности. При этом, мы понимаем, что литературный ландшафт состоит из литературных и нелитературных (природных, исторических) локусов. Ю.М. Лотман считал, что приуроченность героя произведения к определенному месту очень прочна [13, с. 251–292].

Существенную роль в определении значения ландшафта в художественном произведении сыграла статья Ю.А. Веденина «Литературные ландшафты как объекты наследия» [1, с. 15–21], которая обращает внимание на проблему сохранения реальных литературных пейзажей, сформированных в результате взаимодействия писателя с конкретными природными и социокультурными процессами, происходящими на вполне определенной территории.

А.В. Любичанковский обращает внимание на то, что «существенной стала доля когнитивной (поведенческой) географии, этнопсихологических характеристик, зарисовок ментальности населения» [14, с. 226–230]. Таким образом, литературный ландшафт возможно интерпретировать в личностном аспекте. Согласно наблюдениям А.В. Любичанковского, «география – одна из немногих наук, предмет исследования которой представляет собой единство естественнонаучной и гуманитарной составляющей» [14, с. 226–230]. Когда мы рассматриваем взаимодействие понятий «география» и «художественная литература», то должны учитывать, что географическая составляющая ландшафта в произведении встречается как обобщенное или типологизированное пространство, а также как существующее, реальное. В предпринимаемой научной работе предме-

Содержимое доступно по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 license (CC-BY 4.0)

том исследования выступает именно второй аспект манифестации ландшафта в романе «Герой нашего времени» [12].

Практическая значимость работы заключается в возможности использования результатов исследования в деятельности учебных организаций. Материалы исследования могут быть использованы в вузах гуманитарного направления при изучении романа М. Ю. Лермонтова «Герой нашего времени», а также полученные данные могут быть полезны ученикам старшей школы для более глубокого изучения романа.

В литературном ландшафте ценно все: и адрес главного героя, и маршруты персонажей, и город, и места времяпрепровождения, и окружающие пейзажи. Все места действий направлены на конкретизацию локуса.

Образы Кавказа включают реальный и отраженный в романе ландшафт. Детализация локуса Кавказа представлена регионами: Грузия, Кабарда, Чечня; реками Арагва, Байдара, Кубань, Подкумок, Терек; долинами и ущельями в горах – Койшаурская долина, Чертова долина, Дарьяльское ущелье, Терекское ущелье; горами – Бештау, Машук, Казбек, Крестовая гора, Койшаурская гора, Гуд-гора, Эльбрус; населенными пунктами – Владикавказ, Кисловодск, Ставрополь, Тифлис, Каменный брод, Казбеги, Коби, Ларс. Ценно то, что каждую названную точку можно посетить в реальном мире и сопоставить с описанием в «Герое нашего времени».

Ландшафт в романе показан с точки зрения разных героев – Максим Максимыча, Печорина и странствующего офицера. Отметим, что все три героя являются одновременно и рассказчиками в романе, что создает «эффект репортажа», усиливает достоверность рассказа.

Открывается роман главой «Бэла» и описанием Койшаурской долины странствующим офицером, который едет из Тифлиса по Военно-Грузинской дороге: «Славное место эта долина! …внизу Арагва, обнявшись с другой безыменной речкой, шумно вырывающейся из черного, полного мглою ущелья, тянется серебряною нитью и сверкает, как змея своею чешую». В данном отрывке

Content is licensed under the Creative Commons Attribution 4.0 license (CC-BY 4.0)

использованы средства художественной выразительности: олицетворение, сравнение и метафора. При помощи олицетворения создается яркий художественный образ, рассказчик наделяет глубиной собственные переживания, а также выражает свое отношение к природным явлениям. Сравнение призвано сопоставить физические предметы с целью художественно описать один из них. При этом, качественные характеристики становятся более выразительными. Для усиления выразительности используется и метафора, придающая речи образность и эмоциональность.

Герой восхищается пейзажем, но при этом значима резкая смена настроения офицера, его восторг прерывается шумом горской толпы и суетой: «Я должен был нанять быков, чтобы втащить мою тележку на эту проклятую гору, потому что была уже осень и гололедица, – а это гора имеет около двух верст длины». Гора мгновенно превратилась в «проклятую», ландшафт стал чуждым герою. Причина в том, что при практическом освоении пространства признаки, вызывавшие восхищение, оборачиваются своей противоположностью. Мы наблюдаем конфликт созерцательного отношения к природе и практически-ориентированного, направленного на осуществление определенной деятельности.

Офицер использует сенсорные способы создания природного образа, помимо созерцания задействован слух, например, когда его встречает горная тишина: «Кругом было тихо, так тихо, что по жужжанию комара можно было следить за его полетом» или «По обеим сторонам дороги торчали голые, черные камни; кое-где из-под снега выглядывали кустарники, но ни один сухой листок не шевелился, и весело было слышать среди этого мертвого сна природы фырканье усталой почтовой тройки и неровное побрякивание русского колокольчика». В эту фразу рассказчик вкладывает и свою тоску по дому в экзотическом крае, он замечает, что «На темном небе начинали мелькать звезды, и странно, мне показалось, что они гораздо выше, чем у нас на севере». Обратим внимание на олицетворение: метель сравнивается с изгнанницей: «метель гудела сильнее и сильнее, точно наша родимая, северная… И ты, изгнанница, – ду-

Содержимое доступно по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 license (CC-BY 4.0)

мал я, – плачешь о своих широких раздольных степях! Там есть, где развернуть холодные крылья, а здесь тебе душно и тесно…». Метель олицетворяет судьбу автора в чужих краях.

Отметим, что ландшафтные образы в восприятии рассказчика соотносятся по принципу контраста – тучи чередуются с ясной погодой: «…месяц бледнел на западе и готов уж был погрузиться в черные свои тучи, висящие на дальних вершинах» и «…погода прояснилась и обещала нам тихое утро; …Направо и налево чернели мрачные, таинственные пропасти…».

Природа в глазах рассказчика парадоксальна, она и способна на чудеса: «Казалось, дорога вела на небо, потому что, сколько глаз мог разглядеть, она все поднималась и наконец пропадала в облаке…», и недружелюбна: «…воздух становился так редок, что было больно дышать; кровь поминутно приливала в голову…», и дарит умиротворение: «Тихо было все на небе и на земле, как в сердце человека в минуту утренней молитвы…» и «какое-то отрадное чувство распространялось по всем моим жилам, и мне было как-то весело, что я так высоко над миром, – чувство детское, не спорю…». Подобное мироощущение встречается у Печорина, открывшего окно в свое первое утро в Пятигорске: «Какое-то отрадное чувство разлито во всех моих жилах. Воздух чист и свеж, как поцелуй ребенка…». Здесь природа показана «колыбелью» спокойствия, в ней все взаимосвязано, она – образец гармонии, поэтому при соприкосновении с ней человек «очищается», становится, как ребенок «…удаляясь от условий общества и приближаясь к природе, мы невольно становимся детьми». Человек, живущий в мире страстей, забывает о собственной принадлежности к природе: в мире человеческих отношений, наполненных гордыней, жестокостью, эгоизмом, нет места гармонии.

Офицер-рассказчик признает, что природа Кавказа ему неподвластна, он не взаимодействует с ней, ему остается только созерцать и пытаться интерпретировать её знаки.

Content is licensed under the Creative Commons Attribution 4.0 license (CC-BY 4.0)

Для Максим Максимыча всё иначе – он не обращает внимания на контрасты, его не пугают знаки «природы», он не находит противоречий в погодных явлениях. Максим Максимыч смелый и прямой. Его восторг выражается одной фразой: «Посмотрите… что за край!» У него свое мнение (ведь он на Кавказе не год, как офицер-рассказчик), он давно познал красоты Кавказа, теперь он умеет «считывать» его приметы, причем иначе, чем странствующий офицер. В то время, когда офицер-рассказчик заявляет: «Завтра будет славная погода!», – Максим Максимович молчит и указывает на то, как «курится Гуд-гора». Любопытно, что позже штабс-капитан отстаивает свою точку зрения: «Я говорил вам, что нынче будет погода; надо торопиться, а то, пожалуй, она застанет нас на Крестовой» – и велит ямщикам немедленно трогаться.

Образ горы Крестовой офицер-рассказчик создает, обращаясь к художественно-публицистическим приемам: эмоциональности, ярким образам, выражению авторского «я». Фактически пейзажная зарисовка, созданная офицером-рассказчиком, это очерк, обладающий высокой документальностью. Для передачи опасности окружающей обстановки рассказчик описывает свой контакт со средой: «И точно, дорога опасная: направо висели над нашими головами груды снега, готовые, кажется, при первом порыве ветра оборваться в ущелье; узкая дорога частию была покрыта снегом, который в иных местах проваливался под ногами, в других превращался в лед от действия солнечных лучей и ночных морозов, так что с трудом мы сами пробирались; лошади падали; налево зияла глубокая расселина, где катился поток, то скрываясь под ледяной корою, то с пеною прыгая по черным камням».

Для Максим Максимыча все гораздо проще: «Вот и Крестовая!» До этого он с досадой, но хладнокровно заявил: «Нам придется здесь ночевать, в такую метель через горы не переедешь», – и затем спокойно спросил извозчика: «Что? были ль обвалы на Крестовой?» Это характеризует его как человека, знакомого с местностью и особенностями погоды в это время года.

Содержимое доступно по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 license (CC-BY 4.0)

Интересны демонические реминисценции в описаниях природы, например, ложная народная этимология «Чертовой долины»: «…мы спускались с Гудгоры в Чертову долину… Вот романтическое название! Вы уже видите гнедо злого духа между неприступными утесами, – не тут-то было: название Чертовой долины происходит от слова «черта», а не «черт», – ибо здесь когда-то была граница Грузии».

Воплощение контраста севера и юга, знакомой рассказчику природы и новой, неизведанной, офицер подчеркивает, сопоставляя реальный пейзаж и виртуальный, присутствующий в памяти: «ветер, врываясь в ущелья, ревел, свистал, как Соловей-разбойник». «Соловей-разбойник» находится в том же смысловом ряду, что и метель-изгнанница. Во-первых, это олицетворение, наделение природы антропоморфными чертами, во-вторых, способ освоения чужого через наделение чужого по принципу аналогии знакомыми чертами, в-третьих, перенесение этнофольклорных начал на новую почву с целью ее идентификации и освоения.

Описания природы офицером-рассказчиком обладают высокой художественностью, они мощно усиливают эмоциональность текста и оживляют образы Кавказа.

Повествование штабс-капитана иное, как и мировосприятие. Он обращает внимание на другие особенности ландшафта, они имеют профессиональную ориентированность и значимы для военного: «Крепость наша стояла на высоком месте, и вид был с вала прекрасный: с одной стороны широкая поляна, изрытая несколькими балками, оканчивалась лесом, который тянулся до самого хребта гор…». Максим Максимыча интересуют более социальные особенности ландшафта, расположение объектов: «…кое-где на ней дымились аулы, ходили табуны; с другой – бежала мелкая речка, и к ней примыкал частый кустарник, покрывавший кремнистые возвышенности, которые соединялись с главной цепью Кавказа». Описание ландшафта штабс-капитаном напоминает прочтение

Content is licensed under the Creative Commons Attribution 4.0 license (CC-BY 4.0)

карты: оценка хорошего обзора, возможность зрительного контроля местности, это профессиональный взгляд командира, военного из действующей армии.

Когда Максим Максимыч рассказывает историю о Бэле офицеру, он часто использует просторечную лексику, являющуюся отражением его образования и мировоззрения. Но иногда его повествование становится художественным, более литературным, чтобы подчеркнуть своеобразие Кавказа, а также выявить отношение рассказчика к происходящему, подчеркнуть его чувства и настроение: «Душно стало в сакле, и я вышел на воздух освежиться. Ночь уж ложилась на горы, и туман начинал бродить по ущельям». В этой фразе Максим Максимыч использует олицетворения: так мы понимаем, что действительность из уст штабс-капитана многогранна.

Офицер-рассказчик, несмотря на все окружающие красоты, замечает «кровавую полосу», потому что движение по узкой дороге сопряжено с большой опасностью. На «кровавую полосу» обращает внимание и штабс-капитан. Это именно тот момент, когда у рассказчиков совпадают точки зрения, выделяется одна и та же примета.

Чужая природа, сложности ее освоения, новые приметы постоянно готовят испытания: «Нам должно было спускаться еще верст пять по обледеневшим скалам и топкому снегу, чтоб достигнуть станции Коби. Лошади измучились, мы продрогли».

Отражение образа места, противоречивого и неизвестного запечатлено и в жителях Кавказа: они чужие и подобно природе полны опасностей – во время знакомства с городом офицер настораживается «босые мальчики-осетины, неся за плечами котомки с сотовым медом, вертелись вокруг меня» – и ссылается на Максим Максимыча, и его мнение по поводу кавказцев: «Я начинал разделять беспокойство доброго штабс-капитана»: «Уж мне эта Азия! Что люди, что речки – никак нельзя положиться!» Здесь люди выступают отражением природы, а Кавказ очагом локальной цивилизации, в которой сосуществуют кавказские народы, отличающиеся «горячим» темпераментом, резкостью суждений, силой

Содержимое доступно по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 license (CC-BY 4.0)

«общины» (им приходилось объединяться против общего внешнего врага), а также внешней замкнутостью.

Можно выделить следующие типологические черты кавказского ландшафта:

– коварство: внешняя красота таит в себе опасности (когда на востоке ясная погода, погода на Гуд-горе грозит бурей; река и туманы похожи на змей, а облако на коршуна; «кровавая полоса» появляется над восходящим солнцем);

– недосягаемость: природа показана неприступной, величественной (высокие скалы; дорога уходит прямо в небо; материальные предметы кажутся очень маленькими на фоне природы; рассказчик ощущает себя высоко над миром);

– одухотворенность: олицетворения «оживляют» природу (у снегов румянец, звезды водят хороводы, туманы извиваются).

Заключение

В результате исследования были сделаны следующие *выводы*:

1. Детализация локуса Кавказа в романе «Герой нашего времени» представлена регионами: Грузия, Кабарда, Чечня; реками Арагва, Байдара, Кубань, Подкумок, Терек; долинами и ущельями в горах – Койшаурская долина, Чертова долина, Дарьяльское ущелье, Терекское ущелье; горами – Бештау, Машук, Казбек, Крестовая гора, Койшаурская гора, Гуд-гора, Эльбрус; населенными пунктами – Владикавказ, Кисловодск, Ставрополь, Тифлис, Каменный брод, Казбеги, Коби, Ларс. Литературный ландшафт в романе «Герой нашего времени» – реальное пространство, которое демонстрируется как завершенный образ места, направляющий к действительности.

2. Ландшафт в романе М.Ю. Лермонтова выступает и как категория геопоэтики: герои взаимодействуют с пространством той или иной географической территории, создается художественный образ и формируется реальный ландшафт Кавказа. Ландшафт, выступающий фоном повествования, обладает способностью характеризовать героев: их черты раскрываются: те качества натуры, которые не озвучены напрямую, открываются через восприятие мест, пейзажа и людей.

Content is licensed under the Creative Commons Attribution 4.0 license (CC-BY 4.0)

3. Феномен литературного ландшафта в романе «Герой нашего времени» М.Ю. Лермонтова заключается в его экзотичности и уникальности, способствующих постижению героями самих себя на фоне усилившихся эмоций. Рассказчики по-своему отдаются чувствам, созерцая окружающие их пейзажи, каждый приходит к собственным мыслям в зависимости от окружающей природы. Географический аспект литературного ландшафта очень тесно переплетен с личностным и постоянно с ним взаимодействует.

4. Ландшафт в романе «Герой нашего времени» манифестирован как амбивалентный через прием контраста природных явлений, погодных условий, природных примет и взаимодействия окружающей среды с человеком. Типологические черты кавказского ландшафта, выделенные в ходе исследования: коварство, недосягаемость, одухотворенность.

Перспективы дальнейшего исследования мы видим в изучении литературного туризма. Всегда были актуальны путешествия с целью посещения мест, обозначенных в литературных произведениях. Литературные места рождаются благодаря связи текста художественного произведения и географического пространства. А в последнее время популярность путешествий внутри страны растет, что усиливает актуальность подобного исследования.

Список литературы

1. Веденин Ю.А. Литературные ландшафты как объекты наследия // География в школе. – 2006. – №8. – С. 15–21.

2. Веденин Ю.А. Очерки по географии искусства. – СПб.: Дмитрий Буланин; М.: Институт Наследия, 1997. – 224 с.

3. Гачев Г.Д. Национальные образы мира // Вопросы литературы. – 1987. – №10. – С. 22–29.

4. Замятин Д.Н. Культура и пространство: моделирование географических образов. – М.: Знак, 2006. – 488 с.

5. Замятин Д.Н. Метагеография: пространство образов и образы пространства. – М.: Аграф, 2004. – 512 с.

Содержимое доступно по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 license (CC-BY 4.0)

6. Калуцков В.Н. Концептуальные основы литературной географии // Уральский исторический вестник. – 2016. – №2 (51). – С. 118–125.

7. Лермонтов М.Ю. Герой нашего времени. – СПб.: Азбука; Азбука-Аттикус, 2020.

8. Лотман Ю.М. В школе поэтического слова: Пушкин. Лермонтов. Гоголь. – М.: Просвещение, 1988. – С. 251–292.

9. Любичанковский А.Г. Литературные ландшафты Г.Г. Маркеса как ментальные карты карибского культурно-географического макрорегиона // Вестник АРГО. – Ростов н/Д., 2012. – С. 226–230.

10. Максаковский В.П. Литературная география: географические образы в русской художественной литературе: книга для учителя. – М.: Просвещение, 2006. – 407 с.

11. Мироненко Н.С. Страноведение: теория и методы. – М.: Аспект Пресс, 2001. – 268 с.

12. Tuan Yi-Fu. The City as a Moral Universe // Geographical Review. – 1988. – Vol. 78. №3. – P. 316–324.

Content is licensed under the Creative Commons Attribution 4.0 license (CC-BY 4.0)